

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XV

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1966

Э. Р. ТЕНИШЕВ

О ЯЗЫКЕ КЫРГЫЗОВ УЕЗДА ФУЮЙ (КНР)*

Уезд Фууюй ¹, где живут кыргызы (кроме них — также китайцы, монголы, дагуры), расположен на север от Харбина в провинции Хэйлунцзян, занимающей северо-восточную часть Китайской Народной Республики. Кыргызов насчитывается 460 человек ², из них в селении Минцау сян компактно живут 227 человек (55 семейств); по роду занятий кыргызы — земледельцы. Сами себя люди старшего поколения называют *кыргыз*, а молодые — *тиртиз*, следуя китайскому произношению (*цзилицзис/цз'илицз'ис*)

Согласно преданию, бытующему среди стариков-кыргызов, их предки лет триста назад (т. е. во второй половине XVII в.) вышли из земель русского Алтая, перешли Хинганские горы и поселились на севере Китая в нынешней провинции Хэйлунцзян. С. М. Абрамзон, не ссылаясь на источник, сообщает о том, что кыргызы Фууюя были переселены «сюда из Синьцзяна при императоре Цянь Луне (1736—1796 гг.)», т. е. примерно лет двести тому назад ³. И в том и в другом случае речь идет, по-видимому, о поздней переселенческой волне кыргызов на места, уже занятые их родственниками ⁴.

Кыргызы старшего поколения пользуются своим языком более свободно, чем молодежь; как бы то ни было, язык этот в полном ходу у тех и у других. Ограниченность материала, которым я располагаю (немногим более 50 отдельных слов), определяет фрагментарность изложения: речь идет только о фонетике и отчасти о лексике. Для удобства печатания привожу слова в транскрипции М. Ху Джен-хуа и А. Токтарова: она основана на алфавите советских киргизов.

* Доклад, прочитанный на IV региональном совещании по тюркской диалектологии (г. Фрунзе, 27—30 V 1963).

¹ См. журнал «Национальности», № 10(76), 1961, стр. 10 (на уйг. яз.). Впервые о фууюйских кыргызах я услышал в ноябре 1956 г. при встрече с киргизскими товарищами в Артуше (около Кашгара), когда все внимание было сосредоточено на изучении уйгурского языка. Через два года, готовясь к лекции по киргизскому языку, я вспомнил о фууюйских кыргызах. Поехать в Фууюй не представилось возможности, и я обратился за помощью к научным сотрудникам-киргизоведам кафедры тюркских языков Центрального института национальностей Мухамеду Ху Джен-хуа и Абдукадыру Токтарову, которые за три года до этого записали небольшое число слов от приехавших в Пекин двух молодых кыргызов, уроженцев уезда Фууюй. М. Ху Джен-хуа и А. Токтаров рассказали мне то, что было им известно о фууюйских кыргызах и подарили свои записи, которые положены в основу этой работы.

² См.: «Жаңы жазууну үйрөнүү материалдары», Кызыл-Суу, 1957, стр. 11; С. М. Абрамзон, Киргизы Китайской Народной Республики, «Изв. АН КиргССР». Серия обществ. наук, III, 2 (история), 1961.

³ С. М. Абрамзон, указ. соч., стр. 119.

⁴ Китайские источники указывают, что в конце XIII в. император Хубилай переселил кыргызские племена с енисейско-иртышского междуречья в западные районы северо-востока Китая и в местность около Цинцкара. См. об этом: Е. И. Кычанов, Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке (публикация источников), «Изв. АН КиргССР». Серия обществ. наук, V, 1 (история), 1963, стр. 61, 62.

1. Фонетические особенности языка фуюйских кыргызов

А. Г л а с н ы е

1. С о с т а в г л а с н ы х. Гласные фонемы, которых в языке фуюйских кыргызов насчитывается восемь, делятся на переднерядные — *е, и, ө, у* — и заднерядные — *а, ы, о, у*.

В некоторых случаях реализуются гласные оттенкового характера. К ним относятся широкий переднего ряда *э* и полуширокий *е(е)*. Широкий *э* возникает: 1) под ударением, например: *инэ́к* «корова», *гэ́л* «приди!» (призвук *э* обозначает или гласную особого качества или придыхательный элемент у начального *э*); 2) под влиянием предыдущего смягченного согласного и воздействия ударения (*кар'э́к* «глаз»); 3) в особых условиях как субститут *ы* переднего оттенка (*эрэ́х* «далеко; далекий»). Полуширокий *е(е)* замещает *и*: *кечиг* [кечи́г] «маленький».

2. Г а р м о н и я г л а с н ы х. В основах сильно действие губной гармонии: 1) после *о, у* первого слога последующий *а*, огубляясь, переходит в *у*: *козон* [қозон] «заяц», *омох* «чашка», *унох* «мука»; 2) после *у* первого слога последующий *а*, огубляясь, переходит в *у*: *тухул* «теленка» (ср. монг. *тугал*); 3) после *у* первого слога во втором слоге выступает *о* вместо *ы* или *у*: *тогос* [тоғос] «девять». В непервых открытых слогах *у* делябиализуется: *узи* «спи!», *узы* «длинный».

Б. С о г л а с н ы е

1. С о с т а в с о г л а с н ы х. Согласные фонемы в языке фуюйских кыргызов не требуют особой характеристики. Это губные *б, м*; переднеязычные *т, д, н, с, з, ш, ч, ж* [ж], *л, р*; среднеязычный *й*; заднеязычные *к, г*; увулярные *к[қ], х, г[ғ]*.

2. С о г л а с н ы е в н а ч а л е с л о в а встречаются как глухие, так и звонкие.

Начальные звонкие: 1) *б* — *бузег* «высокий», *бир* «один», *биш* «пять»; 2) *г* — *гетер* «север», *гэ́л* «приди!», *гуштэг* «сильный»; 3) *д* — *дөрт* «четыре»; 4) *ж[ж]* — *жабзаг* [жабзаг] «низкий», *жол* [жол] «дорога», *жис* [жис] «медь», *жи* [жи] «ешь!»

Слово *ябал* [йабал] «плохой» вместо ожидаемого в начале звука *ж* произносится с *й*. По признаку начального *ж[ж]* язык фуюйских кыргызов относится к «джекающим» языкам.

Начальные глухие: 1) *к[қ]* — *кара* [қара] «черный», *қарақ* «глаз», *қатын* «женщина», *қол* «рука», *қудық* «колодец», *қызыл* [қызыл] «красный», *қымыз* «молоко»; 2) *с* — *семес* «жирный», *сарыг* [сарығ] «желтый», *суг* [суғ] «вода»; 3) *ш* — *шар* (монг.) «бык»; 4) *т* — *терген* (из монг.) «телега», *тус* «соль», *тогос* [тоғос] «девять».

3. С о г л а с н ы е в с е р е д и н е с л о в а. В срединной позиции слова могут быть и звонкие и глухие согласные.

Из срединных звонких следует отметить: 1) *з* — *козон* [қозон] «заяц», *бузег* «высокий», *узи* «спи!». В конце слога возможно оглушение *з*: *тос-гэн* «сытый; пресыщенный»; в словах с этимологическим *з* согласный не оглушается: *кызыл* [қызыл] «красный», *узы* (< *узын-ы*) «длинный». Наличие *з* в срединной позиции является классификационным признаком: язык фуюйских кыргызов принадлежит к группе *з*-языков восточной ветви тюркской языковой семьи. Случай, когда в середине слова вместо *з* произносится *д*, отмечен всего лишь один раз — это слово *қудық* «колодец»: по-видимому, это заимствование. Именно в этом слове *д* сохраняется в срединной позиции и в других тюркских языках, например в узбекском и уйгурском: *қудуқ* «колодец», но узб. [қойон]/уйг. [қойан] «заяц». 2) *г[ғ]* — *ағыр* [ағыр] «тяжелый», *ағыс* [ағыс] «рот» (в форме принадлежности *ақы* «его рот»); 3) *д* — *өдүк* «сапоги».

Серединные глухие согласные: 1) *т* — *қатын* «женщина», *гетер* «север»; 2) *с* — *ысығ* [ысығ] «горячий», 3) *ч* — *кечиг* [кечиг] «маленький».

4. Согласные в конце слова. В конечной позиции слова, как в начальной и срединной, встречаются звонкие и глухие согласные.

Конечные звонкие: 1) *г* [ғ] — *сарығ* [сарығ] «желтый», *суғ* [суғ] «вода», при этом параллельно употребляется еще и *сух*: по-видимому, конечный *г* [ғ] имеет тенденцию к оглушению (например, *улуғ* «великий») Эта тенденция уравнивается прямо противоположной — соноризацией конечного увулярного глухого *қ*: *ысығ* [ысығ] «горячий»; 2) *з* — *кечиг* [кечиг] «маленький». Заднеязычный глухой *к* в конечном положении, озвончаясь, переходит в *з*: *бузег* «высокий»; 3) *б* — *кеб* «одежда».

Конечные глухие: 1) *с* — *ағыс* [агыс] «рот» (в производной форме восстанавливается *з*: *ағзы* «его рот»), *жис* [жис] «медь; медный», *тус* «соль», *семес* «жирный», *тоғос* [тоғос] «девять». Исключение из этого правила ограничивается одним примером: *қымыз* «молоко»; 2) *к* [қ] — *ак* [ақ] «белый», *қарэк* «глаз», *қудық* «колодец». Конечный *қ* производится с ослаблением смычки, в результате чего возникает спирант *x* (*омох* «чашка», *эрех* «далеко»); 3) *к* — *өдук* «сапоги», *инэк* «корова». Конечный заднеязычный *к* более устойчив, чем увулярный *к* [қ]; 4) *ш* — *биш* «пять».

Конечные согласные в языке фуюйских кыргызов более подвержены фонетическим превращениям по сравнению с срединными или начальными.

5. Чередования согласных: 1) в конце слога *ш/ч*: *гуштэг* «сильный»; 2) в начале аффикса после переднеязычных происходит чередование *т/л*: *гуштэг* «сильный»⁵.

II. Лексические особенности языка фуюйских кыргызов

Из 53 слов 47 имеют соответствия в тюркских языках. У некоторых слов общетюркского ареала в языке фуюйских кыргызов изменилась семантика — она или расширилась, или сузилась, или стала совершенно иной: так, *унох* у фуюйских кыргызов означает «мука», хакасск. лит. *унах* «мелкий (некрупный), мелко», «десятичная дробь» (ХРСл., 249)⁶, в кызылском диалекте, по данным А. И. Йоки, — то же самое: «крошка, мелочь; мелкий»⁷.

Кыргызск. *қымыз* «молоко», ср. хакасск. и тувин. *хымыс* «кумыс, питье из кислого кобыльего молока» (РСл II, 853—854); напиток и термин известны многим тюркским народам, знали кумыс и древние турки; у фуюйских кыргызов, по-видимому, с переменной уклада жизни кумыс вышел из употребления, а термин стал означать молоко.

Части света фуюйские кыргызы передают словами *илгер* «юг», *гетер* «север», *асансар* «восток», *усансар* «запад». Древние турки *илгэру* использовали для обозначения «восток» (ПДТП, 380). Фуюйские кыргызы по

⁵ Как видно из этого примера, аффикс *-тэг* образует относительные прилагательные. В перечне слов можно выделить также аффикс *-гэн*, посредством которого производится причастие прошедшего времени: *тоғсгэн* «пресыщенный, сытый».

⁶ Здесь и ниже приняты следующие сокращения: ХРСл — Н. А. Баскаков, А. И. Иникичев и А. Г. Рекул, Хакасско-русский словарь, М., 1953; РСл — В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, СПб., 1893—1911; МРСл — «Монгольско-русский словарь» под общ. ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957; ТРСл — «Тувинско-русский словарь» под ред. А. А. Пальмбах, М., 1955; Верб. — В. Вербич и И. Слодарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884; ПДТП — С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

⁷ А. J. Joki, Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache, Helsinki, 1953, стр. 36 («Studia orientalia», XIX₁).

каким-то причинам изменили свою систему и, подобно монголам, стали ориентироваться на юг (монгольское влияние?).

Большая часть заимствований, усвоенных фуюйскими кыргызами и относящихся главным образом к области хозяйственных и бытовых представлений, является монгольской по своему происхождению. Таковы слова: *шар* «бык», ср. монг. *шар* «вол» (МРСл, 646), бурят-монг. *сар*, в тункинском говоре *алтайн шар* «монгольский бык» (Чер., 398); *терген* «телега», см. алт. *терген* (Верб., 350), др.-уйг. *тэргэн*⁸, сарыг-югурск. *терген* «колесо; телега»⁹, тув. *терге* (ТРСл, 394), ср. монг. *тэрэг* или *тэргэн* «телега» (МРСл, 443), бурят-монг. *тэргэ(н)* «телега, повозка, экипаж» (Чер., 469); *тухул* «теленок» — в турецк. *toklu* «годовалый ягненок», туркм. *токлы*, уйг. *тол* «теленок», ср. монг. *тугал* «теленок» (МРСл, 421), бурят-монг. *тугал* (Чер., 446), венг. *toklú*, диалект *toklo* «годовалый ягненок» < булг. *toklyŭ*¹⁰; *иш* «кизяк», ср. монг. *шивх* «навоз» (МРСл, 649), бурят-монг. *шэбхэ* «прошлогодний навоз» (Чер., 709); *усансар* «запад», по-видимому, сложное слово, состоящее из *усан* + *сар*, где *ус(ан)* «вода, река» (МРСл, 463), *сар* «сторона, направление», ср. хакас. *сари* «сторона, бок» (ХРСл, 182), чагат. *сари* «сторона, направление; к». *Асансар* «восток» состоит из *асан* + *сар* (этимологию первого слова установить не удалось).

Будучи языком 3-группы, язык фуюйских кыргызов наиболее тесно связан с языками этой группы — хакасским, шорским и сарыг-югурским. Широкий *э*, имеющийся в языке кыргызов Фуюй, есть и в диалектах хакасского языка: в койбальском диалекте (теперь говор качинского диалекта) этот звук наблюдал А. Кастрен¹¹, в кызыльском диалекте — А. И. Йоки¹². Узкий начальный *и* (*ит* «мясо», *ибе* «дом», *биш* «пять») свойствен языку фуюйских кыргызов и хакасскому языку в целом (графически передается через *и*). В том и другом языках он восходит к древнему *ä*, как это установил недавно для хакасского языка М. Ряснен¹³. Но ближе всего язык фуюйских кыргызов к качинскому (и койбальскому) диалектам. В языке фуюйских кыргызов в начале слова возможны звонкие *б*, *г*, *д*, *ж*. В языке сагайцев, бельтиров, шорцев и кызыльцев в начале слова всегда глухие согласные; эта особенность как норма принята и в хакасском литературном языке. Но качинский диалект и его говоры составляют исключение из этого правила: начальные звонкие *б*, *д* и *ж* отмечались исследователями в койбальском и усть-абаканском говорах качинского диалекта, в говоре качинцев местности Алтай¹⁴. Д. И. Чанков, исследовавший согласные качинского и сагайского диалектов экспериментально, установил, что согласные качинского диалекта озвончены всегда несколько больше, чем соответствующие согласные в сагайском диалекте¹⁵.

⁸ С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», Л., 1932, стр. 143, 144.

⁹ С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 118.

¹⁰ Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in den ungarischen Sprachen, Helsinki, 1912, стр. 130.

¹¹ M. A. Castren, Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre, St. Petersburg, 1857, стр. 1, 4, 6, 80 и сл.

¹² J. Joki, указ. соч., стр. 7.

¹³ См.: М. Räsänen, Die chakassische i-Laute, «Acta orient. Hung.», XV, 1—3, 1962, стр. 245—247.

¹⁴ См.: М. А. Састрен, указ. соч., стр. 6, 116—119, 124—129; Н. Г. Доможаков, Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Канд. диссерт., Абакан, 1948, стр. 40; А. И. Инкижекова, Сагайский диалект хакасского языка. Канд. диссерт., М., 1948, стр. 12; Д. Ф. Патачкова, Система звуков качинского диалекта, «Уч. зап. [Хакасск. НИИЯЛИ]», VII, Абакан, 1959, стр. 50—51.

¹⁵ Д. И. Чанков, Согласные хакасского языка, Абакан, 1957, стр. 17—68.

Необходимо отметить устойчивое произношение увулярного ɣ в начальной позиции в языке кыргызов Фууй, а также в качинском и койбальском¹⁶. Конечный увулярный ɣ в языке кыргызов Фууй подвергается сильному оглушению; такую же особенность Д. И. Чанков наблюдал в качинском диалекте¹⁷.

Близость в языковом отношении кыргызов Фууй и качинцев может быть объяснена этно-генетическими причинами: известно, что в конце XVI и в XVII в. енисейские кыргызы были господствующей группой среди угорских, самоедских и тюркоязычных племен на территории современной Хакасии¹⁸. Сопоставляя этот факт и предания фуюйских кыргызов, можно высказать предположение, что фуюйские кыргызы — осколок енисейских кыргызов; отделение их от основной киргизской народной массы произошло, как указывается в предании, во второй половине XVII в. Топоним *Алтай*, называемый в предании как прародина фуюйских кыргызов, надо отождествлять не с Алтайским краем, а с местностью Алтай, населенной качинцами и койбалами, что на крайнем востоке Хакасской автономной области, юго-восточнее Абакана.

Принимая высказанное выше предположение о происхождении фуюйских кыргызов, мы тем самым получаем возможность судить о языке енисейских кыргызов XVI—XVII вв. по языку их потомков — кыргызов уезда Фууй. Это был *з-язык*. Взаимодействуя и вытесняя языки различных племен, он дал в конце концов современный хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакасского языка язык енисейских кыргызов участвовал в формировании языка чулымских тюрков (среднечулымский диалект)¹⁹, который А. П. Дульзон склонен рассматривать как один из периферийных диалектов хакасского языка²⁰.

От шорского языка язык кыргызов Фууй отстоит несколько дальше, чем от хакасского. В языке шорцев (мрасский диалект) начальные согласные только глухие — *ч, н, т*, в языке фуюйских кыргызов, наоборот, звонкие — *ж, б, д*. В шорском языке, как и в качинском диалекте хакасского языка, в начале и конце слов сохраняется глухой смычный увулярный ɣ . В этом пункте язык фуюйских кыргызов сближается с шорским языком, но расходится с шорским диалектом хакасского языка, где смычный ɣ под хакасским влиянием замещен спирантом *з*.

С языком сарыг-югуров (провинция Ганьсу КНР) язык фуюйских кыргызов сближается наличием согласных *р, з* в середине и конце слов, а также увулярного ɣ в начальном и конечном положении. В то же время сарыг-югурский язык резко отличается от языка фуюйских кыргызов возможностью *й*-протезы в начале слов с узкими гласными (*йет/йит* «мясо», *йу* «дом»)²¹, отличается он также и начальными глухими *п, т, қ, к*; конечные *с* и *з* колеблются в произношении: часть слов имеет *с* на конце, часть — *з*.

¹⁶ См.: Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», IV, 1954, стр. 333; М. А. Састрен, указ. соч., стр. 96—97.

¹⁷ Д. И. Чанков, указ. соч., стр. 59.

¹⁸ Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 48—54; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960. См. также: С. Д. Майнагашев, Отчет о поездке к тюркским племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г., стр. 127.; W. Radloff, Aus Sibirien, 2. Aufl., Leipzig, 1893, стр. 210.

¹⁹ См.: А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та», IX, 1952, стр. 126—183.

²⁰ А. П. Дульзон, Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам, «Уч. зап. [Хакасск. НИИЯЛИ]», VII, стр. 101—102.

²¹ См.: С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, стр. 159.

С кыргызской языковой стихией, кроме названных выше, связаны еще два языка, относящихся уже к западной ветви тюркских языков — лобнорский (на востоке Синьцзяна) и киргизский (Киргизская ССР и Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Эти языки в настоящее время являются *й*-языками (*айақ* «нога», *қойон* «заяц», *қой* «положи!»), но тем не менее сохранили и черты, свойственные языку фуюйских кыргызов.

В языке лобнорцев, очень близком по многим своим особенностям к киргизскому языку, заметно влияние языка окружающего уйгурского населения. Это сказывается в наличии начального *й*, в чередовании *й/р*, в замещении конечного звонкого *г* глухим *к* и др. По исключении этих инноваций оказывается, что лобнорский язык раньше генетически был весьма близок к языку фуюйских кыргызов. От предшествующего периода лобнорский язык сохранил звонкий *б* в начале слов, увулярный звонкий *г* на исходе слов и первичный глухой смычный *к* в начальном и конечном положении. Эти черты являются общими и для лобнорского языка и для языка фуюйских кыргызов. На крайнем западе кыргызского языкового ареала находится современный киргизский язык.

В языке фуюйских кыргызов в начале слов неизменно выступает *ж*, в киргизском языке в этом случае *ж/й*, причем в южных говорах колебаний больше, чем в северных ²², т. е. язык кыргызов уезда Фуюй приближается этой своей особенностью к северным говорам. По признаку начальных звонких *б*, *д*, *г* язык фуюйских кыргызов сближается с северными говорами, по наличию срединного звонкого *з* (в словах типа *кызыл* «красный») — частью с северными, частью — с южными говорами, по признакам звонкого конечного *з* — с южными говорами, глухого конечного *с* — с северными говорами, по наличию широкого *э* — с южными говорами киргизского языка ²³. Язык фуюйских кыргызов несколько ближе к группе северных, чем к группе южных говоров киргизского языка. Близость эта объясняется тем, что южные говоры киргизского языка претерпели в СССР — узбекское, а в КНР — уйгурское влияния, лингвистически в общем сходные; северные же говоры больше сохранили старый облик.

Язык фуюйских кыргызов по существу представляет, таким образом, язык енисейских кыргызов XVI—XVII вв. Енисейские кыргызы говорили на языке, который восходит к древнекыргызскому разговорному языку IX—XI вв. Можно предполагать, что кыргызская народная языковая традиция в течение трех-четырех веков до монгольского завоевания не прерывалась. Подтверждением этому может служить наличие термина *ажо* со значением «верховный правитель» у кыргызов на Енисее в IX в. (по китайским источникам) и с семантикой «судья» у енисейских кыргызов XVII — начала XVIII вв. (по русским источникам) ²⁴. В анналах «Синь Тан шу» (XI в.) в главе 217, посвященной кыргызам, приводится в китайской транскрипции несколько кыргызских слов, которые встречаются и у фуюйских кыргызов: *қатун* «женщина, знатная дама» (у кыргызов Фуюй — *қатын*), *кя-са* или *цзя-ша* «железо» — Л. Лигети трактовал второе слово как *қаша/қаш* в том же значении «железо» и находил подтверждение этому толкованию в киданьск. *хо-шу* и дагур. *ха-су* ²⁵. В. Шотт

²² Э. Абдулдаев, Ж. Мукамбаев, Кыргыз диалектологиясынын очерки, Фрунзе, 1959, стр. 75—76.

²³ К. К. Юдахин, Итоги и задачи изучения киргизских диалектов, «Груды Ин-та языка и лит-ры [АН КиргССР]», VI, Фрунзе, 1956, стр. 53—54.

²⁴ В. В. Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1943, стр. 19—20; Л. П. Потапов, указ. соч., стр. 54.

²⁵ L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, «Acta orient. Hung.», I, 1, 1950, стр. 150.

сближал это слово с самодийск. *куес*, *йёсеа* и указывал на возможность его родства с команск. *йӱс* «медь»²⁶. Поскольку по-китайски тюркский звук *ж* передается посредством *цз*, вернее было бы думать, что китайская транскрипция отражает фактически не команскую, а специфически кыргызскую форму этого термина — *жэс*, сохранившуюся в языке фуюйских кыргызов. По-видимому, язык кыргызов Фуюй удержал много древнего и фонетически очень близок к разговорному языку древних кыргызов. Ретроспективно можно предполагать, что язык древних кыргызов был, как и язык фуюйских кыргызов, *з*-языком²⁷ с «джеканьем» в начале слова. Глухие и звонкие согласные различались в начале, середине и конце слов. Такой тюркский фонетический тип, сохранившийся теперь только в языках юго-западной группы, следует признать очень древним, а именно — принадлежащим к пратюркскому хронологическому уровню. Указание в «Синь Тан шу» (глава 217) о том, что письмо и язык кыргызов таковы же, как у уйгуров, надо понимать в том смысле, что кыргызы пользовались не уйгурской письменностью (адаптацией согдийской графики), а письмом более древним — руническим, которое употребляли уйгуры в период их жизни в Монголии в соседстве с кыргызами²⁸. Письменный язык древних кыргызов известен нам по памятникам рунического письма на берегах Енисея и территории Тувы²⁹. Кыргызы воспринимали этот *д*-язык как в известной мере уже архаичную форму и в качестве таковой для торжественности употребляли в эпитафиях. Вместе с кыргызами этим языком, конечно, могли пользоваться также и другие родственные им тюркоязычные племена³⁰. В быту же при общении в ходу был народно-разговорный язык кыргызов. «Непосредственно развиваться из языка енисейских надписей», как это думал А. Н. Бернштам³¹, он не мог.

Можно наметить три периода в развитии древнекыргызского языка.

1. Енисейско-монгольский, датируемый VII—XII вв. Можно предполагать, что в конце этого периода (XI—XII вв.) язык кыргызов подвергся смешению с языком кыпчакских племен³².

В середине IX в. кыргызы покорили уйгурский каганат в Монголии. Кыргызский *з*-язык, естественно, оказал воздействие на *д*-язык уйгуров. Часть уйгуров со смешанным *з*-языком переселилась на территорию северного Китая (провинция Ганьсу). Там уйгурский язык, развиваясь в контакте с китайским и монгольским языками, сформировался в современный сильно смешанный язык сарыг-югуров, обитающих ныне недалеко от города Цзюцзюань³³.!

²⁶ W. Schott, Ueber die ächten Kirgisen, «Abhandl. der Königl. Akad. der Wissenschaften zu Berlin», Berlin, 1865, стр. 442; В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 36.

²⁷ Тюркский филолог XI в. Махмуд Камгарский современный ему кыргызский язык, к сожалению, не указывает ни в группе *а*-, ни в группе *д*-, ни в группе *й*-языков. См.: В. Atalay, Divanü lûgat-it-türk tercümesi, I, Ankara, 1932, стр. 32; K. Brockelmann, Mahmud al-Kašghari über die Sprachen und Stämme der Türken im 11 Jahrhundert, «Köroši Csoma-Archivum», I, 1, Budapest, 1921, стр. 26—40.

²⁸ В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 34—35.

²⁹ См.: С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952.

³⁰ Там же, стр. 7.

³¹ А. Н. Бернштам, Истоки киргизской литературы, «Труды ИЯЛИ Кирг ФАН СССР», I (1944), 1945, стр. 80.

³² См.: Е. И. Убрятова, Вопросы диалектологии тюркских языков, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», III, Баку, 1963, стр. 86; Е. И. Кычанов, указ. соч., стр. 62—65; Р. И. Петров, К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв., Фрунзе, 1961, стр. 4—5, 98—103 и др.

³³ С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, стр. 6. См. также: К. М. Патачаков, Родовой состав и предания о происхождении бельтиров, «Уч. зап. [Хакасск. НИИЯЛИ]», VII, стр. 132.

На территории современной Хакасско-Минусинской котловины кыргызы столкнулись с угорскими, самодийскими, кетскими и тюркоязычными племенами³⁴. Возобладал в общем язык кыргызов, но и он, конечно, усвоил некоторые особенности растворившихся в нем языков. Эта языковая среда явилась основой современных хакасского, шорского языков и языка чулымских тюрков³⁵.

В этот же период кыргызский язык участвовал в известной степени в формировании тувинского языка, о чем можно предполагать на основании того факта, что в этнический состав тувинцев вошел род «кыргыз».

2. Алтайский период, датируемый XIII—XIV вв. Часть кыргызов под натиском монголов переселилась на территорию южного Алтая. Здесь кыргызский язык разделил судьбу, общую у него с языком алтайских племен (южные диалекты). Тесное взаимодействие с языком кыпчакских племен продолжалось и в этот период. Кыргызский язык постепенно принял облик типично западного *й*-языка³⁶. Выработались, с одной стороны, сходные особенности, сближающие современный алтайский и киргизский языки³⁷, и, с другой, выработались дифференциальные признаки, свойственные каждому из языков.

В этот период (может быть, в самом начале его) образовалось языковое единство кыргызов и предков современных лобнорцев (на Алтае? — в Монголии?). Оно распалось после того, как последние откочевали в район северного Синьцзяна и на берега оз. Лобнор.

3. Тянь-Шаньский период, датируемый XV—XVI вв. Кыргызы переселяются к горам Тянь-Шаня. Здесь, впитывая местные лингвистические элементы, формируется современный общенародный киргизский язык во всем многообразии его диалектов. Мы присоединяемся к заключению Б. М. Юнусалиева о том, что современный киргизский язык складывался в течение длительного времени, проходя ряд этапов, начиная с енисейского³⁸.

Таким образом, народный разговорный язык древних кыргызов сыграл важнейшую роль в сложении многих тюркских языков Южной Сибири и Центральной Азии. Углубленное изучение языка фуюйских кыргызов, прямых наследников древнекыргызского языка³⁹, поможет детально определить этот процесс.

³⁴ Л. Р. Кызласов, К вопросу об этногенезе хакасов, там же, стр. 73, 78, 86.

³⁵ А. П. Дульзон, Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам, стр. 160.

³⁶ О роли *й*-языка в истории тюркских языков см.: С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, ИАН ОЛЯ, 1947, 6, стр. 478—480.

³⁷ К. И. Петров, указ. соч., стр. 68, 87; Б. М. Юнусалиев, К вопросу о формировании общенародного киргизского языка, «Труды ИЯЛ [АН КиргССР]», VI, 1956, стр. 24—38.

³⁸ Б. М. Юнусалиев, указ. соч., стр. 43—44; его же, Проблема формирования общенародного киргизского языка, ВЯ, 1955, 2, стр. 41.

³⁹ По словам Б. И. Панкратова, он встречал группу кыргызов с *з*-языком также и в Хайларе, что сравнительно близко к уезду Фуюй.

СПИСОК СЛОВ ФУЮЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

(по записи М. Ху Джен-хуа и А. Токтарова)

аба	«отец»	козон	«заяц»
агыр	«тяжелый»	кол	«рука»
агыс	«рот»	кудык	«колодец»
акэы	«его рот»	кызыл	«красный»
ак	«белый»	кымыз	«молоко»
асансар	«восток»	омоҥ	«чашка»
бир	«один»	өдүк	«сапоги»
биш	«пять»	сарыг	«желтый»
бүзөг	«высокий»	семес	«жирный»
гэ ^х л	«приди!»	суг	«вода»
гетер	«север»	сук	«вода»
гуштэг	«сильный»	терген	«телега»
дэрт	«четыре»	тогос	«девять»
жабзаг	«низкий»	тосгөн	«пресыщенный, сытый»
жи	«ешь!»	тус	«соль»
жис	«медь»	тухул	«теленок»
жол	«дорога»	узи	«спи!»
ибе	«дом»	узыы	«длинный»
илгер	«юг»	улук	«великий»
инэк	«корова»	унох	«мука»
иш	«кизяк, навоз»	ус	«масло»
ит	«мясо»	усансар	«запад»
кара	«черный»	шар	«бык»
карэк	«глаз»	ысыг	«жаркий, горячий»
катын	«женщина»	эрег	«далеко»
кеб	«одежда»	ябал	«плохой»
кечиг	«маленький»		

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА—1976

Э. Р. ТЕНИШЕВ

О ЯЗЫКЕ КАЛМЫКОВ ИССЫК-КУЛЯ

Иссык-кульские калмыки (сарт-калмаки) общей численностью по одним данным около 2,5 тысячи¹, по другим — свыше 6 тысяч человек² проживают в селениях Чельпек, Бёрю-Баш, Таш-Кыя и Бурма-Суу недалеко от г. Прижевальска. Группа сарт-калмак отмечена и в составе челябинских башкир³.

Согласно преданиям сарт-калмаков, собранным А. В. Бурдуковым⁴, их предки олёты (өөлөт) до распада ойратского ханства кочевали в районе г. Токмака. В XIX в. они находились около Текеса. Отсюда в 1864—1882 гг. перекочевали к озеру Иссык-Куль и были приняты в русское подданство под именем сарт-калмаки (до сих пор они называли себя кара калмак). К 1884 г. сарт-калмаки поселились в тех местах, где было положено основание селам Чельпек и Бёрю-Баш. Во время войн с кокандскими ханами сарт-калмаки приняли ислам. Более ста лет сарт-калмаки живут в тесном соседстве с русскими, киргизами, татарами, испытывая их влияние.

Родной язык у сарт-калмаков ограничен домашним, чисто бытовым употреблением, в основном у старшего поколения. В общественной сфере сарт-калмаки прибегают больше к киргизскому и русскому языкам. Хорошо знают татарские песни и охотно их поют.

В первые годы поселения на Иссык-Куле сарт-калмаки пользовались ойратской письменностью «тодо», употребляли и арабский алфавит. Письменность «тодо» угасла у них по данным А. В. Бурдукова в начале 40-х годов нашего века. К 1934 г. сарт-калмаки ввели у себя латинскую письменность на калмыцком языке и закрепили единое этническое наименование *калмык* (калмак).

В настоящее время иссык-кульские калмыки пользуются общекалмыцкой письменностью на русской основе.

У иссык-кульских калмыков сохранились родовые названия. К самым крупным единицам относятся *қалмақ*, *байымбаху*, *солто*, *хәрватыр*. К более мелким — *шоңқур*, *сатывалды*, *қыпқақ*, *буғу*, *сары бағыш*, *чимит*, *жедигар*, *һөдөнүүл*, *куйкүнуул*. Из приведенных наименований можно видеть, что калмыки Иссык-Куля не представляют собою этнически однород-

¹ С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971, стр. 28.

² Ш. Дондуков, Некоторые языковые особенности говора иссык-кульских сарт-калмыков (ойратов) в сравнительном освещении с монгольскими и киргизскими языками, сб. «Олон усын монголч эрдэмтний II их хурал», I, Улаанбаатар, 1973, стр. 166.

³ С. И. Руденко, Башкиры. Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955, стр. 54; 57; Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа, М., 1974, стр. 285—286.

⁴ А. В. Бурдуков, Каракольские калмыки (сарт-калмаки), «Советская этнография», 1935, 6, стр. 47—56.

ной группы. В их состав вошли также и киргизские родовые подразделения — *солто*, *сатывалды*, *фыпчаф*, *буғу*, *сары бағыш*, *жедигәр* ⁵.

Историко-этнографические сведения об исык-кульских калмыках дали в конце 30—середине 40-х годов XX в. А. Гагарин, Т. Меллер ⁶ и монголист А. В. Бурдуков ⁷, в 1966 г. — Б. Алымбаева ⁸. Еще меньше опубликовано по языку исык-кульских калмыков. Записи же делались неоднократно и сотрудниками НИИЯЛИ из Элисты, и языковедами из среды калмыков Чельпека. Так, учитель чельпекской школы Бектур Тавалдиев, заканчивая университет во Фрунзе, написал под руководством К. К. Юдахина дипломную работу «Строй калмыцкого языка Исык-Куля». Недавно вышла в свет статья Ш. Дондукова о некоторых языковых особенностях говора исык-кульских сарт-калмаков ⁹.

Автор данной заметки посетил чельпекских калмыков летом 1973 г. и, не будучи монголистом, на свой страх и риск сделал записи их языка на слух. Моими информантами были Ташпай Исламов (из рода чимит, род. в 1911 г. в с. Бёрю-Баш; окончил курсы нацменов Советского Востока при Институте им. Герцена в Ленинграде в 1929 г. и партшколу в 1949 г.; служил в армии, ныне пенсионер; знает калмыцкий, киргизский, русский, татарский, узбекский, уйгурский языки) и Абдукадир Казакпаев (из рода жедигәр, род. в 1910 г. в Чельпеке; получил домашнее образование, работал в колхозе, теперь — на пенсии; знает калмыцкий, киргизский, русский, татарский, узбекский языки). Благодарю этих товарищей за оказанные мне содействие и внимание.

Ниже приводится записанный мною материал.

Фонетические особенности. 1. О переломе гласного *и*. В одной группе слов перелом *и* явно присутствует: *нудн* «глаз», ок. *nüdn*, м.-п. *nidün* ¹⁰; *нуур* «лицо», ок. *nüür*, м.-п. *niqur*; *нэгн* «один», ок. *negn*, м.-п. *nigen*; *зырға* «шесть», ок. *zurhan*, м.-п. *jirquyan*; *йёсе* «девять», ок. *jisn*, м.-п. *jisün*.

Но некоторые слова сохранили старый фонетический облик — перелом *и* в них не наблюдается: *шидн* «зуб», ок. *šüdn*, м.-п. *sidün*; *жйре* «шестьдесят», ок. *jirn*, м.-п. *jiran*.

Любопытно, что в примерах второго рода — совпадение с общекалмыцким, а в примерах первого рода такого совпадения нет. Иными словами, перелом *и* в языке чельпекских калмыков произошел неравномерно. В связи с этим заключение Ш. Дондукова о том, что перелом звука *и* у исык-кульских калмыков отсутствует, не подтверждается полностью.

2. О губной гармонии. В языке чельпекских калмыков *о*, *оо*; *ө*, *өө*; *е*, *ее* возможны и в непервых слогах. Губные и негубные широкие

⁵ С. М. Абрамзон, Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, сб. «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», IV, М., 1960, стр. 22—31, 86—87, 88, 90—91, 91—92.

⁶ А. Гагарин, Т. Меллер, Сарт-калмаки, «Северная Азия», кн. 5—6, М., 1928, стр. 186—188.

⁷ А. В. Бурдуков, указ. соч., стр. 47—79.

⁸ Б. Алымбаева, К вопросу о сближении народов Киргизии, в кн.: «Трудящиеся Киргизии в борьбе за строительство социализма и коммунизма», Фрунзе, 1966, стр. 207—212.

⁹ Ш. Дондуков, указ. соч.

¹⁰ Ок. — общекалмыцкий — свойственный калмыцкому языку вообще, примеры приведены из: G. J. Ramstedt, Kalmükisches Wörterbuch, Helsinki, 1935; Б. Б. Басангов, Русско-калмыцкий словарь, Элиста, 1963; м.-п. — монгольско-письменный язык (см.: Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929; Г. Д. Санжеев, Старописьменный монгольский язык, М., 1964); знак — над буквой — позиционная долгота.

в первом и втором слогах могут сочетаться следующим образом: *aa* — *oo*; *заахоо* «чужбина», *о* — *о*: *би йовхов* «я пойду», *ө* (*ө*) — *ө*: *дөчө*⁹ «сорок», *өлкө* «дедушка», *өөрчө* «грудь», *мөңгөн* «серебро». Широкие *о* и *ө* могут быть представлены и в третьем слоге: *жорабор* «жорга, иноходец», *көмушке* «висок». Конечный *е* встречается после *ө*, *э*, *е*, *и*: *дөрвө* «четыре», *хөре* «двадцать», *тэвө* «пятьдесят», *йёсе* «девять», *йёре* «девяносто», *эчхе* «отец», *эке* «мать», *жйре* «шестьдесят», *чйче* «правнук».

В современном калмыцком языке указанные выше гласные могут находиться только в первом слоге слова¹¹.

Монгольский письменный язык, монгольское квадратное письмо и ойратская письменность показывают, что в XIII—XIV вв. и в XVII в. широкие губные имелись за небольшим исключением только в первых слогах¹². Система губной гармонии развилась в диалектах халхасского типа¹³. По-видимому, она была некогда свойственна и калмыцкому языку, что подтверждается данными языка оренбургских, уральских¹⁴, а также иссык-кульских калмыков. Исследования калмыковедов в этом направлении наводят на мысль о том, что сложение губной гармонии в калмыцком было закончено накануне периода создания письменности «тодо» (середина XVII в.), а разрушение началось до XIX в.¹⁵.

3. Об увулярном звонком *г*. Щелевой *г* в языке иссык-кульских калмыков встречается и в начале слов и между гласными, а также между сонорными и гласными: *гуй* «бедро», *гурву* «три», *гуччу* «тридцать», *мантаган* «с нами», *тантаган* «с вами», *зырга* «шесть», *арнур-гун* «спина», *толе'а* «голова». В калмыцком литературном и в говорах в указанной позиции могут быть *h*, *x*, *г*.

4. Об увулярном глухом *к*. Смычный *к* может быть и в начале и в середине слов между гласными и в конце слов: *калмак* «калмык», *кира* «ворона», *нока* «собака». В литературном калмыцком и в говорах в указанной позиции вместо *к* употребляются *х* и *к*.

Морфологические особенности. 1. Количественные числительные. Для обозначения единиц служат: *нэгн* «один», *хойыр* «два», *гурву* «три», *дөрвө* «четыре», *тэвө* «пять», *зырга* «шесть», *дөла* «семь», *нээми* «восемь», *йёсе* «девять», *арвы* «десять», *арвы нэгн* «одиннадцать», *арвы хойыр* «двенадцать».

Наименованиями десятков являются: *хөре* «двадцать», *гуччу* «тридцать», *дөчө*⁹ «сорок», *тэвө* «пятьдесят», *жйре* «шестьдесят», *дэлы* «семьдесят», *найы* «восемьдесят», *йёре* «девяносто», *зу* «сто», *мыңы* «тысяча».

В отличие от калмыцкого литературного языка в языке иссык-кульских калмыков количественные числительные за исключением числительного *нэгн* «один» утратили конечный *н*.

2. Местоимения. В группе личных местоимений совместный падеж от местоимений *бидн* «мы» и *та* «вы» имеет форму *мантаган* «с нами» и *тантаган* «с вами» вместо литературно-калмыцких *манта* и *танта*. Любопытно, что в роли возвратного местоимения выступает не постпози-

¹¹ Г. Д. Санжеев, Грамматика калмыцкого языка, М.—Л., 1940, стр. 15; Б. Х. Годаева, Калмыцкий язык, в кн.: «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 35—36.

¹² Б. Я. Владимиров, указ. соч., стр. 315—317; Н. П. Поппе, Квадратная письменность, М.—Л., 1941, стр. 38.

¹³ Г. Д. Санжеев, Старописьменный монгольский язык, стр. 34—35.

¹⁴ Н. Н. Убушаев, Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. АКД, М., 1974, стр. 40.

¹⁵ Д. А. Павлов, Исследования по калмыцкому языку и письменности, Алма-Ата, 1971, стр. 50.

тивный *ээрэн*, как в литературном калмыцком, а изменяющиеся по лицам формы от *бийи* «тело»:

Ед. число	Мн. число
<i>би бийим</i> «я сам»	<i>бидн бийимдин</i> «мы сами»
<i>чи биийн</i> «ты сам»	<i>тәдн бидн</i> «вы сами»
<i>тери биийн</i> «он (а) сам (а)»	<i>тедн биийн</i> «они сами»

3. Глагол. 1) Изъявительное наклонение (на примере глагола *йов-* «идти»). Настоящее время момента речи образуется с помощью аффикса *-на/-нэ*:

Ед. число	Мн. число
<i>би йомнав</i> (< <i>йовнав</i>) «я иду»	<i>бидн йомнайдн</i> «мы идем»
<i>чи йомнач</i> «ты идешь»	<i>тәдн йомнат</i> «вы идете»
<i>тери йомна</i> «он (а) идет»	<i>тедн йомна</i> «они идут»

В функции будущего времени выступает причастие будущего времени с аффиксом *-х*:

Ед. число	Мн. число
<i>би йовхов</i> «я пойду»	<i>бидн йовхуйдн</i> «мы пойдем»
<i>чи йовхич</i> «ты пойдешь»	<i>тәдн йовхит</i> «вы пойдете»
<i>тери йовхи</i> «он (а) пойдет»	<i>тедн йовхи</i> «они пойдут»

Прошедшее время, обозначающее давнее действие, образуется при помощи аффикса *-ла/-лэ*:

Ед. число	Мн. число
<i>би йовлаа</i> «я шел»	<i>бидн йовлайдн</i> «мы шли»
<i>чи йовлач</i> «ты шел»	<i>тәдн йовлат</i> «вы шли»
<i>тери йовла</i> «он (а) шел (шла)»	<i>тедн йовла</i> «они шли»

Формы времен изъявительного наклонения в морфологическом плане полностью совпадают с соответствующими формами калмыцкого литературного языка.

2) Повелительное наклонение. Второе лицо ед. числа — чистая основа: *бич!* «пиши!», *бды!* «иди!». Второе лицо мн. числа имеет приметой аффикс *-т(у)н*: *тә бичтн!* «пишите!», *тә оттун* (< *оттн*)! «идите!» и совпадает с калмыцким литературным языком.

3) Желательное наклонение. Формы желательного наклонения образуются присоединением к основе глагола аффикса *-йи(ла)*, *-йа(ла)*: *х'овуй!* «разделите-ка!», *жиргыйала!* «поиграем-ка!», *сууйала!* «посидим-ка!». Они полностью совпадают с соответствующими формами калмыцкого литературного языка, кроме одной детали — факультативного наращения частицы *-ла*.

4) Форма условного деепричастия образуется при помощи аффикса *-хыйла/-хийлэ* (литературный эквивалент: *-хла/-хлэ*): *давхыйла* «если перейду».

Лексические особенности. 1. Термины родства: *āчы* «внук; внучка», ок. *atšn*; *āхы* «старший брат», ок. *ах²*; *āхы нертәган* «старший и младший братья»; *чйче* «правнук, правнучка», ок. *жич*; *далāхы* «прапраправнук, прапраправнучка»; *чилāхы* «праправнук, праправнучка»; *дуу* «младший брат», ок. *дй*, *дү*; *дүүкөн* «младшая сестра», ок. *ōkndū*, *дү куукн*; *эчхе* «отец», ок. *эцг*; *эке* «мать», ок. *ек²*; *эхчи* «старшая сестра», ок. *ektš*; *эже* «бабушка», кирг. ¹⁶ *эже* «старшая сестра»; *тайене* «бабушка», кирг. *тай эне*; *көкн* «дочь», ок. *күүкн*; *көвн* «сын», ок. *kōwūn*; *нагчече* «дядя (по отцу)»; *нагчече* «тетя (по матери)», *өнкө* «дедушка», ок. *ōrk^δ*, *өвгн*.

¹⁶ Киргизские примеры см.: К. К. Ю да х и н, Киргизско-русский словарь, М., 1965.

Сравнение с общекалмыцкой лексикой обнаруживает в большинстве случаев совпадение терминов родства у ийсык-кульских калмыков с общекалмыцкими терминами.

2. Части тела человека: *арнургун* «спина; позвонок», ок. *ar + nurgun*; *бармак* «палец, пальцы», кирг. *бармак*; (*бөдн горегун* «большой палец», ок. *budün* «крупный», *хигун* «палец»; *чикчэ* «указательный палец», ок. *tšikčigčē*, *чиччэ* «мизинец»; *дунктку гурагун* «средний палец», ок. *dund^uх*, *дунктк*; названий безымянного пальца и мизинца мои информанты не знают); *бахлр* «кадык», ок. *baχ^ulur*, *бахлүр* «глотка», *чикун* «ухо, уши», ок. *tšikn*; *дәлы* «предплечье», ок. *dal^u* «лопатка»; *гуй* «бедро», ок. *gijv*; *гижик*, *үсүн* «волосы», ок. *gidžigə*, *үсн*; *кәлн* «язык», ок. *keln*; *киисүн* «пупок», ок. *kisn*; *көл* «нога», ок. *köl*; *көмүшко* «висок», ок. *kömskö*, *күмсэ* «бровь», *күзүн* «шея», ок. *küzün* «шея, горло»; *маңна* «лоб», ок. *maṅnā*, *тапна*; *меме* «грудь (жен.)», узб. *мамма*; *мурт* «усы», кирг. *мурут*; *нүдн* «глаз, глаза», ок. *nüdn*; *нүүр* «лицо», ок. *nūr*, *нүр*; *омур* «ключица», ок. *otgün*; *өргүн* «подбородок», ок. *örgn*; *өрчө* «грудь», ок. *örtš*; *өшкэ* «пятка», ок. *eska*, кирг. *өкчө* «каблук, задник (обуви)»; *каш* «брови», кирг. *каш*; *сәхл* ~ *саел* «борода», ок. *saχvl*, *сахл*; *сорымсы* «ресницы», ок. *sorimsvG*, *сормсн*; *шидн* «зуб, зубы», ок. *šüdn*; *түзе* «колено», кирг. *тиз*, *тизе*; *толе'а* «голова», ок. *tolčā*, *tolčā*, *толха*; *төхә* «локоть», ок. *toχā*, *toχā*; *урул* «рот», ок. *urł*, *урл* «губа»; *хамыр* «нос», ок. *χamr*. Из тридцати терминов — двадцать четыре общекалмыцкие и только шесть заимствованы из киргизского и узбекского языков.

3. Слова различных групп: *мөрн* «конь», ок. *mörn*; *жоратор* «иноходец», ок. *džorā*; *тах* «подкова», ок. *taχ^u*; *дуу* «песня», ок. *öld dū* «олёкская песня»; *дав* «перевал», ок. *das*; *мөсн* «лед», ок. *mösn*; *усна* «вода», ок. *usn*; *хәрғышн* «встреча», ок. *χarhln*; *зайан* «любовь», ок. *zajān* «доля, участь, судьба»; *заахоо* «чужбина», ок. *zaχ^u* «край, окраина»; *омғар* «высокий», ок. *om^uγr*; *мөңгөн* «серебро», ок. *möngn*; *шархыл* «желтоватый», ок. *šarγvl*; *жиргәт-түргәт* «веселье», ок. *džirγvl dürgl*; *жиңник-сән* «быстрый», *живер* «крыло», ок. *живер*; *жил* «год», ок. *džil*; *залу* «молодец, мужчина», ок. *zālū*, *залу күн*; *көве* «край, кант», ок. *kövē*; *Мөкш* (имя соб. муж.); *Жиргилың* (название местности), ок. *džirγ^ulvγ* «блага, счастье», *бол* «быть, стать», ок. *bolχ^u*, *болх*; *дав* «переходить, переваливать», ок. *dawχ^u*, *давх*; *жирға* «играть, веселиться», ок. *džirγovχ^u* «счастливо жить», *морд* «садиться на коня, уезжать», ок. *mord^uχ^u*; *усул* «поить», ок. *uslχ^u* «поить (о скоте)»; *хува* «делить, распределять», ок. *χuwāχ^u*; *суу* «сидеть, жить, проживать», ок. *sūχ^u*. Совпадение лексики ийсык-кульской калмыцкой и общекалмыцкой в данном случае полное.

Приведенный материал обнаруживает, что язык ийсык-кульских калмыков, как можно судить по речи жителей Чельпека, больше всего различий от калмыцкого литературного и диалектного имеет в фонетике; в морфологии и лексике эти различия мало ощутимы, т. е. язык ийсык-кульских калмыков находится на положении говора.

Недавно Д. А. Сусеева высказала мысль, что, несмотря на генетическое родство, язык ийсык-кульских калмыков на правах говора или диалекта нельзя относить к калмыцкому языку. В основе этого взгляда лежит историческая причина — сарт-калмаки не участвовали в формировании калмыцкой народности в XVII—XVIII вв. и калмыцкой национальности в XX в.¹⁷ Думается, что чисто историческое основание не является в

¹⁷ Д. А. Сусеева. К проблеме соотношения калмыцкого языка и калмыцких диалектов, сб. «Совещание по общим вопросам диалектологии, истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Ереван, 2—5 октября 1973)», М., 1973, стр. 42—43.

данном случае вполне достаточным — необходимо привлечение еще социологического критерия: национальное самосознание, взаимопонимаемость, наличие общего литературного языка.

Иссык-кульские калмыки не только не отделяют себя от калмыцкой национальности, но напротив, принадлежность свою к ней считают вполне естественной и несомненной; о языковом барьере между ними не может быть и речи, так как в структурном отношении, как можно было видеть, оба языка очень близки. Наконец, литературным калмыцким языком иссык-кульские калмыки пользуются уже в течение долгого времени. Последнее обстоятельство особенно важно. Именно такая действенная сила, как калмыцкий литературный язык, сглаживая различия, приближает к калмыцкому на правах говора язык бывших сарт-калмаков. В настоящее время язык калмыков Иссык-Куля есть, несомненно, один из говоров калмыцкого языка.

Приложение

Дуу

1. (Записано от А. Казакпаева 13 июля 1973 г.)

заахоо Жиргилыццен көвөгөсө
залуғун омғар мортхо
зайан х'увий болғий!
тантаған-мантаған жирғыйала!

«вдоль по чужому Джиргалану
с молодецкой силой
пусть будет любовь!
поиграем-ка весело и вы и мы!»

2. (Записано от А. Казакпаева 23 июля 1973 г.)

живертэй шархыл мёрнла
жицниксён уснәсы усулхий!
жилдәний хәрғыксн ахынертаған
жирғат-түргәт сууяала!

«крылатого коня желтой масти
напоить бы студеной водой!
на встрече раз в год братьев
повеселиться бы нам хорошо!»

3. (Записано от А. Казакпаева 23 июля 1973 г.)

мөңгөн тахта жорабор мөрнла
мёсн давағар давхыйла
мөңгөн хамырта Мөкшла!

«о если бы конь-иноходец с серебряной подковой
перешел бы ледяной перевал
с серебряной грядой (букв. носом)
Мёкш!»